

Моей семье

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вот уже два месяца, три дня и одиннадцать часов, как я не отбрасываю тени. Ничто не привязано к моим ногам, никто не повторяет мои движения и не шепчет мне на ухо. У всего вокруг меня есть тени, я могу притягивать их к себе и с помощью магии придавать им любую форму, какую захочу. Я единственная, кто вынужден обходиться без постоянного спутника. До этого времени я даже не представляла, что значит быть по-настоящему одинокой.

Моя тень Дара обитает наверху, запертая на чердаке, в клетке из света и теней. Так безопаснее.

Этим утром мы с моим лучшим другом Лукасом оттачивали наше мастерство на пляже под утёсом, на котором стоит наш дом, пока его родители занимались садом. Моя магия тени и световое пение Лукаса — редкие дары: только раз в двадцать пять лет дети могут получить такое благословение, когда комета Серилия пролетает в ночном небе. В Парилле — провинции, где мы раньше жили, — за нами охотились, но здесь, в Абба-чо, леди Эшлинг, женщина, которая хочет украсть нашу магию и мою тень, не может достать нас.

По крайней мере пока.

Несколько недель назад мы научились ловить рыбу световыми крючками и теньвыми верёвками. Теперь родители Лукаса позволяют нам ловить сколько угодно рыбы, и наше ведро со льдом уже полное, хотя ещё даже не полдень. Поэтому теперь Лукас тренируется метать свет над водой, придавая ему форму дисков, которые прыгают как камешки, но никогда не тонут. Я сижу на песке, скрестив вытянутые ноги, и смеюсь, когда Лукас пением заставляет свет мерцать и танцевать. По сравнению с тем местом, где я выросла, здесь,

в Аббачо, не так много теней. В моём первом доме было множество деревьев и тайных закутков, а здесь, рядом с океаном, солнце всегда сияет высоко над головой, а стволы деревьев намного тоньше.

Я научилась импровизировать.

В океане больше теней, чем можно было бы подумать. Тени рифов, водорослей и даже маленьких рыбок, которые отваживаются заплывать на мелководье, — я могу использовать их все. Этим утром я из сил выбилась, пытаясь вытянуть тени с глубоководья. Океан огромен, и я чувю таящуюся под волнами темноту, словно чьё-то дыхание у себя за спиной. Что-то в воде будто притупляет мой зов, потому что такая тренировка отнимает у меня больше сил, чем когда я притягиваю тени по воздуху. Но с каждым днём у меня получается чуточку лучше.

— Лукас! Эммелина! — зовёт Миранда с вершины утёса. — Пора закругляться с ловлей. Скоро будем обедать.

Вместе мы поднимаем ведро со льдом и несём его по извилистой тропинке в дом. Когда мы заходим в дверь, Миранда уже накрыла на стол, начинка для бутербродов разложена по

тарелкам, хлеб только и ждёт, чтобы Лукас его поджарил. Но не успеваем мы выложить улов, как по дому разносится чудовищный вопль, пробрав меня до самых костей.

— Ради всего святого, что Дара ещё удумала? — говорит Миранда, бросив опасливый взгляд на потолок.

Я быстро делаю бутерброд и взбираюсь по лестнице. Вой не унимается и с каждой минутой становится всё более нестерпимым.

Я останавливаюсь и перевожу дыхание, прежде чем открыть дверь на чердак. Всегда лучше собраться с силами, перед тем как увидеть Дару. Слава богу, у нас нет соседей и некому жаловаться на шум. Иногда я задумываюсь, что сказали бы мои родители, если бы увидели Дару сейчас. Когда она была просто моей тенью, они совершенно не хотели верить, что Дара на самом деле живая.

Зайдя на небольшой чердак, я чуть было не роняю тарелку с бутербродом. Комната в том же виде, в каком я оставила её этим утром: простая и неказистая, на столе у окна, выходящего на океан, стоят свежие нарциссы в вазе. Но Дара изменилась. Обычно, когда я вхожу, она кривляется и изображает меня,

а потом плачет и умоляет, чтобы её отпустили.

Но такого я не ожидала.

Сегодня Дара приняла мой облик — это она часто делает, но сейчас что-то не так. Она до корней стесала ногти, царапая прутья светотеневой клетки. Волосы растрёпаны, и со лба на правую щёку стекает тонкая струйка крови, как будто она билась головой о стенки. Сейчас Дара сидит в углу клетки, прижав колени к груди и качаясь взад-вперёд, и воет, как оживший кошмар.

— Дара. — Я стараюсь говорить как можно ровнее и просовываю тарелку между прутьев. — Что случилось?

Она перестаёт выть и смотрит на меня, словно увидела привидение. Страх скользит по моей шее, но я стряхиваю его. Дара прыгает вперёд, слёзы брызжут у неё из глаз, и я отступаю. Она всеми возможными увещеваниями пыталась убедить меня отпустить её. А вдруг это очередная уловка? Кажется, она действительно расстроена. Но Дара так долго обманывала меня, что я не могу доверять своим глазам.

Страшно смотреть, когда она так ведёт себя в моём облике. Иногда она перево-

площается в Миранду, в Альфреда, в Лукаса или в каких-то странных созданий, которых любила изображать, будучи тенью. Но она всегда возвращается ко мне, к моему облику. Я подозреваю, что для неё это почти то же самое, что вернуться в свой домик.

— Эммелина, — хрипло говорит Дара. — Началось. — Она царапает себе лицо и содрогается.

— Ты о чём? Что началось?

Морщины прорезают её лоб, и слёзы снова текут по щекам.

— Разве ты не чувствуешь? Пульсирующую дрожь в костях, пробирающуюся под кожу? — Она царапает руку, и я вдруг вижу, что на её лице, руках и шее алеют царапины. — У меня зуд по всему телу.

— Прости, Дара, но я ничего такого не чувствую.

С тех пор как я вернула ей тело, моя бывшая тень стала доставлять одни неприятности. Чувство вины сдавливает мне грудь. Возможно, то, что она заперта на чердаке, имеет какое-то отношение к её недугу, но отпускать Дару на волю слишком опасно. Если её освободить, она отправится мстить леди Эшлинг,

своей сестре, не думая о том, какие разрушения повлечёт за собой.

— О, ну ещё почувствуешь. И скоро! Она приближается.

Вцепившись в прутья, Дара оглядывается на окно, будто боится, что снаружи кто-то притаился и готов ворваться в комнату.

Она специально не говорит прямо, но я не могу отрицать, что мне любопытно.

— Что приближается, Дара?

— Комета, — шепчет она.

Я морщю лоб:

— Комета? Но это же не...

— Да! Комета Серилия.

— Это невозможно. Она пролетает раз в двадцать пять лет. С последнего раза прошло только тринадцать.

В глазах Дары мерцает страх:

— Это леди Эшлинг. Наверняка она. Это единственное объяснение. — Она царапает себе шею. — Она что-то сделала. Она заставила комету прилететь раньше, чтобы появилось больше детей, которых можно посадить в Саду и которыми можно полакомиться на досуге.

Я отшатываюсь. Леди Эшлинг — чистое зло. Она пожиратель магии. Из своего по-

мести в Циннии она рассылает гвардейцев, чтобы они забирали одарённых детей под предлогом того, что вылечат их. Потом она превращает их в цветы и держит живыми в своём Саду Душ, чтобы в любой момент черпать из них силы. Из-за неё семья Лукаса и я скрываемся. Она хочет отнять магию у меня и у Лукаса. И она хочет вернуть сестру обратно.

Леди Эшлинг пугает меня сильнее, чем отпущенная на свободу Дара, и Дара это знает. Должно быть, это уловка. Хитроумная. Дара наверняка долго её продумывала.

Я скрещиваю руки на груди:

— Это невозможно, и ты это знаешь. Никто не может изменить путь кометы.

— Ты уверена? — спрашивает Дара. — А что если есть магия, с помощью которой это возможно?

Я вздрагиваю, но не отвожу взгляд:

— Я сильно в этом сомневаюсь.

Дара прижимает лицо к прутьям из света и тени:

— Ты должна меня выпустить. Пожалуйста, Эммелина! Это крайне важно. Я знаю леди Эшлинг, и я единственная, кто спосо-

бен остановить её. Ты должна выпустить меня прямо сейчас.

Вот оно. Вот всё, чего она хочет. Все остальные её слова и поступки — сплошная ложь. Ну, она обманывала меня много лет. Больше я ей этого не позволю. Я уже не та наивная девочка, которая сбежала из дома несколько месяцев назад.

— Хорошая попытка, Дара. — Я направляюсь к двери. — Веди себя потише, хорошо?

— Нет! Эммелина, ты должна меня выслушать. Комета прилетит *сегодня ночью!* Я клянусь, что говорю правду. Я чуяла её раньше, когда была просто тенью. Теперь, когда я снова человек, это чувство только усилилось.

Я качаю головой. У неё такой несчастный вид в этой клетке. Не знай я её так хорошо, я могла бы ей поверить.

— Я не выпущу тебя, и это моё последнее слово.

Я закрываю за собой дверь, и визг Дары преследует меня на лестнице:

— Она приближается! Она приближается!

Хотя я знаю, что это неправда, я собираю все тени с лестницы вокруг себя, чтобы успокоиться. Просто на всякий случай.